

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ АНТРОПОНИМИИ

Ю. Юркенас

„Люди говорят посредством слов, судьбы которых, пожалуй, намного сложнее, удивительнее и разнообразнее человеческих судеб. Они немые свидетели человеческой истории и культуры“ [Маковский, 1989, 5]. „... Слово всегда представляет собой неповторимую единицу: за каждым словом и его историей стоит целый мир“ [Филин, 1985, 266]. Имя человека – особое слово. Оно дается на всю жизнь и сопровождает человека в течение всей его жизни. „В любви мы повторяем любимое имя и зываем к любимому через его имя. И молимся мы, и проклинаем через имена, через произнесение имени. И нет границ жизни имени, нет меры для его могущества. Именем и словами живут народы, сдвигаются с места миллионы людей, подвигаются к жертве и к победе глухие народные массы“ [А. Ф. Лосев]. Эскимосы говорили, что человек состоит из 3 частей: тела, души и имени. Старая исландская поговорка формирование человека изображает так: „Четверть – от отца, четверть – от матери, четверть – от воспитания и четверть – от имени“ [Стеблин-Каменский, 1974, 106]. Уже в глубокой древности человек воспринимал имя как слово особое, необходимое и в определенном смысле волшебное. Имя в представлениях человека глубокого прошлого – это образ или тень его души [Gottschald, 1932, 3]. В России вплоть до XVII в. родители держали в секрете имя, данное ребенку при крещении. Таким образом люди пытались обмануть злых духов. С такой же целью в Азербайджане и Турции давали 2 имени – настоящее и ложное. В немецких сказках злой дух теряет свою силу тогда, когда узнают и произносят его имя.

Антропонимы, как и все собственные имена (СИ), возникают на базе апеллятивов. Не может быть сомнения в том, что отбор единиц, которые использовались в процессе создания имен, был обусловлен традициями, обычаями, мировоззрением, мифологией, религией. В именах закодирован многовековой опыт человека. Этим обстоятельством

вом обусловлены многочисленные и разнообразные сходства, наблюдаемые исследователями древней антропонимии разных и.-е. народов. А. Фик еще в XIX в. говорил о наличии так наз. „групп имен индоевропейского праязыка“ (Namengruppen der indogermanischen Grundsprache) [Fick, 1874].

Х. Краз писал о сходстве большого количества кельтских и германских сложных антропонимов. Правда, он думает, что это главным образом лишь формальное соответствие, но тем не менее, по мнению Х. Краз, вряд ли наблюдается такое сходство антропонимических систем в другой паре индоевропейских языков [Krahe, 1954, 138]. А. Бах при анализе той же германской антропонимии уже на уровне семантики единиц, лежащих в основе древних антропонимов, сравнивает эти имена с соответствующими древнегреческими СИ и обнаруживает бросающиеся в глаза сходства типа греч. *Thrasy-bulos* „смелый в совете“ (*kühn im Rat*) и герм. *Kuonrad*, греч. *Perikles* „очень славный“ (*vielberühmt*) и герм. *Vilmar*, греч. *Nikophanes* „блистающий в победе“ (*siegprangend*) и герм. *Sigibert*, греч. *Demophilos* „друг народа“ (*Volksfreund*) и герм. *Volkwin* и т. д. [Bach, 1952, 81]. Т. Милевский приходит к выводу, что сходство антропонимических систем большинства и.-е. языков так велики, что мы должны признать их общее происхождение [Milewski, 1957, 37].

При анализе древней антропонимии (прежде всего древних сложных имен) разных и.-е. народов список сходных единиц легко может быть продолжен. Ср., например, антропонимы, сходные по семантике апеллятивных основ, породивших соответствующие СИ: а) лит. *Vis-manas*, *Vis-mantas*, *Vis-minas*, др.-пр. *Wysse-manth*; чеш. *Vše-mysl*, др.-инд. *Viśva-manas* (др.-инд. *viśvas* „весь, целый, каждый“, *manas* „мысль, ум“); греч. *Πᾶμ-μένης* (*Πᾶν* „весь“, *μένος* „мысль, сила, мощь“); б) русск. *Бог-дан*, польск. *Bog-dał*, др.-инд. *Deva-datta*, *Bhagadatta*, греч. *Θεό-δωρος*, *Θεο-δάτας* в) лит. *Gin-tautas*, греч. *Ἀλεξι-δημος* (*ἀλέξω* „защищаю, отражаю“, *δήμος* „народ“); г) лит. *Vis-milt* [Лит. метрика, 1910, 79], польск. *Wsze-mił*, греч. *Πᾶμ-φίλος* (греч. *φιλέω* „люблю“), герм. *Ala-liub*; д) лит. *Miš-tautas*, греч. *Μειξί-δημος* (лит. *mišyti* „смешиваться“, греч. *μείξω* „смешиваю“) и т. д. Если по аналогии с наблюдениями Х. Краз германскую древнюю антропонимию срав-

нивать с балтийской, то также обнаружим большое количество сходных единиц типа герм. *Har-man* – лит. *Kar-manas*, *Kar-monas*; герм. *Liub-bert* – лит. *Liu-bertas*, *Liu-bartas*, *Liau-bertas*; герм. *Leube* – лит. *Liauba*; герм. *Saregaud* – лит. *Sar-gautas*; герм. *Sara-man* – лит. *Sar-monas*; герм. *Vala-munt* – лит. *Val-mantas*, *Val-montas*; герм. *Willebut* – лит. *Vil-but*, *But-vilas*; герм. *Wil-rad*, *Rat-wilius* – лит. *Rad-vilas* и т. п. (Германские антропонимы приводятся по сборнику древних немецких имен Э. Фёрстемана [Förstemann, 1900]).

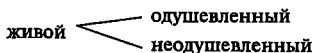
Думается, что сходство перечисленных единиц в большинстве случаев не является лишь формальным. На наш взгляд, наиболее рациональное решение проблемы о характере сходных СИ предложил В. П. Шмид. Если в двух языках с целью обозначения какого-то явления или какой-то функции используются соотносительные выражения, то это или заимствование, или общее достояние; только очень редко в такой ситуации можно говорить о случайности [Schmid, 1978, 7].

Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов при реконструкции лексико-семантической системы общеиндоевропейского языка использовали весьма интересный и рациональный прием. Реконструированная лексема рассматривается комбинированно с теми мифологическими и ритуальными мотивами, в которых участвуют денотаты этих лексем. Сходные мифологические и ритуальные мотивы, возводимые к некоторым исходным общеиндоевропейским моделям, описываются текстами, в которых часто участвуют этимологически соотносимые друг с другом слова или целые словосочетания [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, 460–461].

В. А. Никонов об исследовании СИ писал: „Главное для топонимиста не в этимологии, (вообще существующей не „сама по себе“), а в этиологии: не механически констатировать наличие некой основы, а вскрыть причину наименования. Это значит, – выяснить отношение между основой и названием... Главенство этимологии над этимологией, конечно, не „отменяет“ этимологии и ничуть не уменьшает ее необходимости. Наоборот, именно опора на этимологию придает этимологии надежную достоверность“ [Никонов, 1963, 113–114].

В ономастическом исследовании определение этимона СИ чаще всего представляет собой поиски сходного по форме апеллятива соответствующего языка. При этом остается вне поля зрения важнейший фактор, определяющий возможность или невозможность перехода данного апеллятива в разряд СИ. Таким фактором представляется семантика слова. В современном сравнительно-историческом языкознании семантический аспект стал одним из главных факторов определения этимологии слова, так как значение является „наиболее чувствительным барометром культурного климата“ [Л. Шпитцер]. Некоторые общеиндоевропейские модели мира, созданные на базе мифологических и ритуальных мотивов, о которых говорят Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, построены прежде всего на основе семантических компонентов использованных лексем. Сходные мифологические и ритуальные (= когнитивные) мотивы часто выражаются фонетически соотносимыми единицами. Думается, что использование лексемы в структуре модели мира такого типа можно рассматривать как свидетельство того, что данная единица относится к словам особого ранга. Такие единицы обладают повышенной склонностью стать антропонимом или его компонентом, так как имя человека – это исключительно важное слово, а создание имени – это результат мыслительного процесса, в основе которого лежит многовековой опыт человека, его мировоззрение. То обстоятельство, что этот образ мышления воссоздается на основе мифологических мотивов, является лишь отражением формы данного процесса. Логика мифического и научного мышления та же. Человек всегда мыслил так же хорошо. Прогресс – если это слово в данном случае уместно – произошел не в мышлении, а в мире, в котором живет человек [Levi-Strauss, 1993, 34].

Мир живого в представлениях индоевропейцев Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов моделирует так:

Главный компонент в данной самой общей схеме – это обозначение класса „живого“. В и.-е. языках этот класс обозначается лексемой, представленной в родственных словах типа ст.-сл. *živъ*, лит. *gyvas*

„живой“, др.-инд. *jīvas* „живой“, греч. βίος „жизнь“ и т. д. Второй важной лексемой, обозначающей предметы мира „живого“, является единица, выступающая в родственных словах типа ст.-сл. *byti*, русск. *быть*, лит. *būti*, „быть“, др.-инд. *bhū* „быть“, *bhūtis* „бытие, хорошее состояние“, д.-в.-н. *būan* „жить“, греч. φύω „выращиваю, размножаю“, φύομαι „становлюсь“, φύλον „род“ и т. д.

В составе древних антропонимов разных и.-е. народов как правило представлены основы, порожденные единицами одного из двух указанных гнезд родственных слов. В антропонимии некоторых языков в процессе образования имен использовались лексемы обоих рядов: а) др.-русск. *Жиро-слав*, *Жито-мир*, сербохорв. *Bogu-živ*, *Dabi-živ*, чеш. *Dobro-žizn*, *Luto-žizn* [Svoboda, 1964, 93], польск. *Żyro-sław*, *Żyro-mir* [Rymut, 1991, 307]; др.-инд. *Jiva-dāman*, *Jiva-śarman*, *Jiva*, *Jivaka* [Fick, 1874, CLDX]; греч. Βίων, Πολύ-βιος, Καλλι-βιος [Fick, 1894, 79], б) др.-русск. *Бы-слав* [Веселовский, 1974, 59], польск. *By-gost* [Słownik, 1965–1967, 290], *Z-by-Gniew*, *Z-by-sław*, *Z-by-woj* [Rymut, 1991, 32]; лит. *Bū-gaila*, *Bu-kantas*, *Bū-kontas*, *Bū-tautas*, *Būt-ėnas*, *Būt-enis*, *Būt-norius*, *But-rimas*, *Būt-vydas*, *Būt-vilas*, *Ei-būtis*, *Nar-būtas*, др.-прусск. *Bu-ckant*, *Butigede*, *But-rymme*, *Alse-but*, *Darge-but*, *Gede-buth*, *Mase-buth*, *Wayse-buth*, [Trautmann, 1925, 134]; др.-инд. *Bhū-dhara*, *Bhū-pala*, *Bhūti-datta*, *Bhūti* [Fick, 1874, LXXIII], *Bhūti-mitra*, *Bhūti-varman*, *Su-bhūti* [Hilka, 1910, 133]; герм. *Buo*, *Bu-man*, *Burad*, *Bu-rath* [Förstemann, 1990, 343]; греч. Φύτων, Πρόσ-φυτος, Ἀριστό-φυλος, Φύλ-αρχος [Fick, 1894, 283–284].

Признак „одушевленности“ (первый подкласс „мира живого“) выступает в названиях живых существ, которые увязывают семантемы с компонентами значения „дышать“, „дух“, „душа“ с наименованиями животных, человека и богов в противовес названиям растений. Человек и животные мыслятся как существа, наделенные „духом“, способностью дышать [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, 466]. Этот подкласс обозначается лексемами гнезда родственных слов: ст.-сл. *doūša*, *douchz*, *dychati*, русск. *душа*, *дух*, *дышать*, польск. *duśza*, *duch*; лит. *dausos* „теплые края, рай“ (лит. *dausa* или *dausios* (*dausos*) – это название рая древних литовцев, где находятся души их предков, где всегда тепло и куда осенью улетают птицы [Būga, 1958, 553]), *dūsuoči* „(тяжело) дышать“, *dusti* „задышаться“, *atsi-dusti* „вздохнуть“, *dvasia* „душа, дух“, греч. θῆς

„бог“ и т. д. Единицы данного гнезда родственных слов довольно широко представлены в древней антропонимии: др.-русск. Душак, Душата [Веселовский, 1974, 105], польск. Duchan, Duchna, Duchoń [Słownik, 1967, 534–535], Dusz, Dusza, Duszak, Duszka, Duszota, Duszowa, [Słownik, 1967, 541–542], чеш. Ducho-slav [Svoboda, 1964, 75]; лит. Dausa, Dausas, Dausinas, Dausynas, Duseika, Duseikis, Dusevičius, др.-пр. Dawsill [Trautmann, 1925, 23]. В древнегреческой антропонимии имеется целый ряд единиц типа Θεό-δωρος, однако здесь антропонимизация единицы θεός может быть обусловлена вхождением последнего слова в другую модель, которой мы в данной статье не рассматриваем. Интерес представляет также наличие соответствующей единицы в фракийской антропонимии: Daus (личное имя и как старое обозначение даков) [Detschew, 1957, 116]. Но поскольку фракийский язык нам неизвестен, вероятность того, что данный антропоним является единицей вышеуказанного гнезда родственных слов, остается менее крупной величиной. То же самое следовало бы сказать о древних кельтских антропонимах Daus [Holder, 1896, 1244], Dausonnus [Holder, 1896, 1311].

Следующий фрагмент модели мира в изображении Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова – это оппозиция *дикий* : *недикий*. Понятие *недикий* представлено тоже в виде оппозиции *неговорящий* (*неразумный*) : *говорящий* (*разумный*) [Гамкрелидзе, Иванов, 1984б 470–471]. По логике вещей наибольшей склонностью к антропонимизации должен обладать второй (маркированный) член последней оппозиции. Прежде всего следует обратить внимание на лексему, выступающую в родственных словах типа лит. *vyras* „мужчина, муж“, др.-прусск. *wijrs* „мужчина“, др.-инд. *vīra-* „мужчина, герой“, лат. *vir*, „мужчина, муж“ и т. д. Данная единица действительно получила отражение в антропонимии; ср. лит. *Vir-butās*, др.-прусск. *Wyri-buth*, *Wiri-gaude*, *Wyriko*, *Wyrukce* [Trautmann, 1925, 156], лтш. *Wyte-noude*, *Wyricke* [Blese, 1929, 320], кельт. *Viro-canti*, *Viro-manduous*, *Viro-touta* [Schmidt, 1957, 297], др.-инд. *Vīra*, *Viraka*, *Mahāvīrā*, *Su-vīra* [Hilka, 1910, 137]. Однако особую роль в формировании антропонимии индоевропейских народов сыграли единицы, выражающие понятие разумного и говорящего. По всей вероятности, способность мыслить воспринималась

как важнейший признак человека. Человек был обозначен как „думающий“.

Для обозначения класса разумных (= думающих) существ использовались названия, образованные от корня **ten-* типа ст.-сл. *тълетѣ*, русск. *мнить*, *помнить*; лит. *tinėti* „вспоминать“, *manyti* „думать, предполагать“, *mantus* „смышлennyй“; гот. *tan* „полагаю“, *tanpan* „думать, вспоминать“, *gamunds* „память“; др.-инд. *mānas* „мысль, ум“, *matī* „намерение, желание; мысль, мнение“, греч. *μένος* „сила, мощь; мысль, намерение; ярость“, *μάντις* „прорицатель, ясновидящий“, гом. *μενοινάω* „обдумываю, размышляю“ и т. д.

Единицы данного гнезда довольно широко представлены в составе древней антропонимии многих индоевропейских языковых групп; ср. чеш. *Mni-slav*, *Mne-těch* [Svoboda, 1964, 95], лит. *Man-ginas*, *Man-girdas*; *Ei-manas*, *Kar-manas*, *Manas*, *Mant-vydas*, *Mant-vilas*, *Ei-mantas*, *Jo-mantas*, *Nor-mantas*, *Skir-mantas*, *Tal-mantas*; *Vyd-mantas*, *Eit-minas*, *Ged-minas*, *Kant-minas*, *Vis-minas*; др.-пр. *Mani-gaude*, *Man-tawte*, *Ey-man*, *Gayle-manne*, *Per-mane*, *Sur-manne*, *Mane*, *Ey-mant*, *Jo-mandt*. *Wyss-manth*, *Mantiko*, *Mynne-gayle*, *Mine-gaude*, *Gayle-mynne*, *Sur-mynne*, *Tole-mynne*, *Mine* [Trautmann, 1925, 143–146]; герм. *Muno*, *Muni-frid*, *Muni-ger*, *Muni-gund*, *Mun-ulf* [Förstemann, 1856, 937–939]; др.-инд. *Vasu-manas*, *Su-manas*, *Maha-manas*, *Viśva-manas*, *Deva-manas*, *Vasu-manas*, *Su-mati*, *Mati* [Hilka, 1910, 131; Fick, 1874, CLXXV], греч. *Μαντι-κλής*, *Εὐ-μαντις* [Fick, Bechtel, 1894, 195], *Μέν-ανδρος*, *Μενέ-φιλος*, *Ἀλεξι-μένης*, *Παμ-μένης* [Fick, Bechtel, 1894, 202–204].

Г. Кронассер считает, что и.-е. основа **ten* „думать“ имеет генетическую связь с такими единицами как др.-инд. *mānu*, *mānuṣ* „человек, мужчина“, гот. *manna* „мужчина“, д.-в.-н. *man* то же и т. д. Он приводит пример аналогичной ситуации в семитских языках: др.-евр. *zākhar* „думать“ (с дополнительным значением наряду с аккадским *zakāru* „называть“) и др.-евр. *zākhar*, аккад. *zikāru* „мужской“ [Kronasser, 1952, 102].

Ю. Покорный тоже допускает возможность генетической связи единиц типа гот. *manna* „мужчина“ с лексемами, возникшими на базе и.-е. корня **ten* [Покорный, 1959, 700]. Если дело обстоит так, то к вышеуказанной группе антропонимов, возникших на базе единиц,

порожденных и. -с. корнем **men*, примыкает многочисленная группа германских СИ типа Mannus (мифический родоначальник германцев), Mannio, Mannila, Manne-leubus [Schönfeld, 1965, 160–161], Mana-liub, Man-ricus, Ala-man, Ver-man, Gala-man, Har-man, Jo-man, Liub-man, Rad-man, Sala-man, Teut-man, Willi-man и т. д. [Förstemann, 1956, 905]. Продуктивность компонента *-man* в германской антропонимии была настолько велика, что уже к 1199 г. наблюдается тенденция к его преращению в суффикс с деминутивным значением [Kaufmann, 1969, 247].

Интерес представляет синтез семантических компонентов „мышления“ и „говорения“ в единицах того же типа разных языков; ср. лит. *mintĩ* „мысль“, (*at*)*miĩti* „помнить, не забыть“ и (*pra*)*miĩti* „называть“; исп. *razón* „разум“ и „слово“; аккад. *zakāru* „называть, говорить“ и др.-евр. *zākhar* „думать“ с дополнительным значением „называть“.

В древней антропонимии отражены и другие лексемы, содержащие семантические элементы „мышления“ и „говорения“:

а) ст.-сл. *myslь*, русск. *мысль*, польск. *mysł*, чеш. *mysl* // антропонимы: др.-русск. Пере-мысль, Осмо-мысль, Добро-мысль [Фасмер, 1971, 25], польск. Vole-mysł, Prze-mysł [Karpluk, 1961, 159–164], чеш. Dale-mysl, Dlího-mysl, Doma-mysl, Hode-mysl, Chote-mysl, Pre-mysl, Vele-mysl, Vše-mysl [Svoboda, 1964, s. 81];

б) греч. σοφός „умелый, разумный“ // антропонимы: Σοφο-κλῆς, Χειρί-σοφος, Σόφον [Fick, Bechtel, 1984, 252];

в) греч. φρόν „мысль“, φρονέω „мыслить“ // антропонимы: Ἐχέ-φρων, Λεώ-φρων, Πολύ-φρων [Fick, Bechtel, 1984, 282];

г) лит. *tarti* „произносить, говорить“, др.-прусск. *tārin* „голос“ // антропонимы: лит. Dau-tartas, Vaiš-taras, Vy-tartas, Tar-vydas, Tar-vainis, Tarulis, др.-прусск. Geys-tarre, Gyn-tarre, Po-tare, San-tar, Witar, Taroth [Trautmann, 1925, 152];

д) лит. *žadas* „способность говорить, речь“, *žodis* „слово“ // антропонимы: Žad-gaila, Žad-minas, Žado-vainis, Žad-vydas, Žadas, Žadeikis;

е) лит. *vardas* „имя“, др.-прусск. *wirds* „слово“, гот. *waurd* „слово“, д.-в.-н. *wort* „слово“ // антропонимы: лит. Vardis, Vardonis, др.-прусск. Jo-wirde, Tule-wirde, Wirdeyke, герм. Wordannus, Word-olf [Förstemann, 1856, 1359];

ж) греч. φημί „говорить, произносить“ // антропонимы: Εὔ-φημος, Φήμος.

Процесс образования СИ – это одновременно речевой и интеллектуальный феномен. Фактом, позволяющим как-то аргументировать наши соображения о характере антропонимов и причинах их возникновения, может служить семантика единиц, породивших данное СИ, так как значение слова – это тот фактор, который отражает в наипростейшем виде единство речи и мышления. Построение модели мира – это попытка изображения миропонимания и образа мышления человека. Объединение мыслительного начала, имеющегося в семантике слова, с элементами когнитивного содержания, заключенной в модели мира, иногда может стать источником дополнительной информации о причинах возникновения соответствующих антропонимов или их компонентов.

KOGNITYVINIAI ANTROPONIMIJOS ASPEKTAI

J. Jurkėnas

Reziümė

Viena iš svarbiausių antroponimijos tyrimo problemų yra nustatyti atskirų vardų ir jų grupių susidarymo priežastis ar su jomis susijusias aplinkybes. Straipsnyje tam tikslui bandoma panaudoti T. V. Gamkrelidzės ir Viač. Vs. Ivanovo pasiūlytą indoeuropiečių pasaulio suvokimo modelį. Pagrindinis tyrimo objektas – tai lekšemos, turinčios reikšmę „gyvas“, „gyventi“, „mąstyti“, „kalbėti“ („pavadinti“), kurios įvairiose indoeuropiečių šeimos kalbose panaudotos kaip tikriniai vardai arba jų komponentai.

KOGNITIVE ASPEKTE DER ANTHROPONYMIE

J. Jurkėnas

Zusammenfassung

Eines der wichtigsten Probleme der anthroponymischen Erforschung ist die Aufdeckung der Ursachen, die Entstehung der Eigennamen hervorgerufen haben. Im vorliegenden Artikel wird ein Versuch unternommen indogermanisches Weltmodell, das von T. W. Gamkrelidse

und *Wiač. Ws.* Iwanow dargestellt wurde, im Prozess der Erforschung altertümlicher Anthroponymie zu benutzen. Es geht hauptsächlich um die Lexeme mit der Bedeutung „lebendig“, „belebtes Wesen bezeichnend“, „(ge)denken“ mit Sinnstreckung „nennen“, die in verschiedenen indogermanischen Sprachen als Eigennamen oder Eigennamenteile auftreten.

ЛИТЕРАТУРА

- Веселовский С. Б. Ономастикон. Москва: Наука, 1974.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Тбилисский университет, 1984.
- Литовская метрика, 1910. Отд. 1, ч. I. Книга записей, т. I. Санкт-Петербург.
- Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений. Москва: Высшая школа, 1969.
- Никонов В. А. Этимологические западни. – *Lingua Pasnaniensis*, Poznań, 1963. Т. IX.
- Стеблин-Каменский М. М. Древнескандинавская топонимика как материал к истории имени собственного. – Спорное в языкознании. Ленинград: Ленинградский университет, 1974.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. III. Москва: Прогресс, 1971.
- Филин Ф. П. Очерки по истории языкознания. Москва: Наука, 1985.
- Bach A. Deutsche Namenkunde: Die deutschen Personennamen. Heidelberg: Carl Winter. Universitätsverlag, 1952. Bd. 1.
- Būga K. *Senovės lietuvių „rojaus“ vardas // Rinktiniai raštai / Sudarė Z. Zinkevičius. Vilnius, 1958. T. 1.*
- Detschew D. Die thrakischen Sprachreste // *Schriften der Balkankommission, linguistische Abteilung, Wien, 1957. Bd. XIV.*
- Fick A. Die griechischen Personennamen. Göttingen, 1874.
- Fick A., Bechtel F. Die griechischen Personennamen. Göttingen, 1894.
- Förstemann E. Altdeutsches Namenbuch. Nordhausen, 1856. Bd. 1.
- Förstemann E. Altdeutsches Namenbuch. Bonn, 1900. Bd. 1.
- Gottschald M. Unsere Familiennamen nach ihrer Entstehung und Bedeutung. München, 1932.
- Hilka . Die altindischen Personennamen // *Indische Forschungen, herausgegeben von A. Hillebrandt. Breslau, 1910. 3. Heft.*

- Holder A. *Alt-celtischer Sprachschatz*. Leipzig, 1896. Bd. 1.
- Kaufmann H. *Ergänzungsband zu Ernst Förstemann Personennamen*. München, 1968.
- Krahe. *Sprache und Vorzeit*. Heidelberg, 1954.
- Kronasser H. *Handbuch der Semasiologie*. Heidelberg, 1952.
- Levi-Strauss Claude. *Mitų struktūra*. Vilnius: Baltų lankos, 3., 1993.
- Milewski T. *Ewolucja morfologiczna indoeuropejskich złożonych imion osobowych*. BPTJ, zes. XVI. Wrocław-Kraków, 1957.
- Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern und München, 1959. Bd. 1.
- Rymut K. *Nazwiska polaków*. Wrocław etc, 1991.
- Trautmann R. *Die altpreußischen Personennamen*. Göttingen, 1925.
- Schmid W. P. *Indogermanische Modelle und osteuropäische Frühgeschichte*. Mainz, 1978.
- Schmidt K. H. *Die Komposition in gallischen Personennamen*. Tübingen: Max Niemayer Verlag, 1957.
- Schönfeld M. *Wörterbuch der altgermanischen Personen – und Völkernamen*. Heidelberg, 1965.
- Słownik staropolskich nazw osobowych. Wrocław etc, 1965. T. 1.
- Svoboda J. *Staročeská osobní jména a naše příjmení*. Praha, 1964.